

УДК 82-84
ББК 84(2Рос)
Р 22

Оформление серии С. Курбатова

Фотография на обложке: Александр Гладштейн / РИА Новости

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
Юрий Сомов, Борис Рябинин, Александр Гладштейн,
Петр Петрусова / РИА Новости;

Валерий Христофоров / Фото ИТАР-ТАСС;

Кадр из фильма «Осторожно, бабушка!», реж. Надежда Кошеверова,
Киностудия «Ленфильм», 1960 год; East News.

Раневская, Фаина.

Р 22 Мудрые остроты Раневской. Впервые! / Фаина Раневская. – Москва : Яуза-пресс, 2014. – 208 с. – (Так говорила Раневская).

ISBN 978-5-9955-0743-7

Продолжение бестселлеров «Раневская шутит» и «Фаина Раневская. Жизнь, рассказанная ею самой». Первая публикация неизвестных острот и афоризмов гениальной актрисы, которая никогда не стеснялась в выражениях и умела рассмешить до слез и высмеять наповал. Ее забористые шутки, внецензурные откровения, площадная мудрость и «вредные советы» актуальны до сих пор!

«Не найти такой задницы, через которую мы уже чего-то не сделали бы».

«Надежный тыл почему-то всегда оказывается голой ж...й!»

«Удача приходит ко всем. Только к некоторым – задом...»

«Чтобы и овцы были целы, и волки сыты – нужно сожрать пастуха».

«Не деньги портят людей, а люди – деньги!»

«Деньги, конечно, грязь, но до чего же лечебная!»

«Лучше уж не встретить мужчину своей мечты и думать, что вы просто разминувшись, чем встретить и понять, что мечтала не о том...»

«Красота – страшная сила, и с каждым годом все страшнее и страшнее...»

УДК 82-84
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-9955-0743-7

© ООО «Яуза-пресс», 2014

Предисловие

Фаина Георгиевна Раневская не была ни клоунессой, ни юмористкой, ни исполнительницей пародий. Мало того, не считала себя и комедийной актрисой тоже.

Мечтала играть в пьесах Чехова, Островского, мечтала о «Вишневом саде», даже фамилию взяла соответствующую вместо собственной (Фельдман), а публике была известна ролью злой Мачехи из «Золушки» и супруги Мули, которую нельзя нервировать.

У Раневской немало замечательных ролей в кино, чаще комедийных, за эти роли народ ее обожал, а она сама фильм «Подкидыш» с незабвенным Мулей ненавидела (Мулей звали супруга сверхактивной дамочки по имени Леся из фильма, но такова сила искусства, что из-за фразы «Муля, не нервируй меня!» имя прочно прилипло даже не к героине Раневской, а к ней самой).

Разве можно не любить жующую, поющую и курящую одновременно тапершу из фильма «Александр Пархоменко»?

А мачеху, которую боялся сам король в «Золушке», потому что у нее связи?..

Маргариту Львовну из «Весны», с ее фразой о красоте, которая страшная сила, ставшей афоризмом...

Мать невесты из кинофильма «Свадьба»...

Сами фильмы, например, «Александр Пархоменко», забывались, оставалась только память об игравшей в них Раневской.

Нередко это же происходило и в спектаклях.

Широко известна история со «Штормом», на который ходили ради сцены с участием Раневской. Из всего спектакля зрители помнили только допрос в ЧК спекулянтки Маньки с ее «Шо грыте?».

Каждая роль, которую в театре или кино сыграла Фаина Раневская, по-своему хороша, незабываема, как сама актриса. Она немало играла, но сколько же НЕ сыграла!.. Безумно талантливая, жаждавшая работать фантазерка месяцами просиживала без дела, ожидая предложений, которых все не было и не было. Ради нее одной можно было бы создать театр, в котором аншлаг был бы обеспечен на многие годы, но она даже не была примой, уступая первенство в театре Моссовета, например, Вере Марецкой и Любви Орловой.

А когда нашелся «свой» режиссер — Сергей Юрский, который понял, оценил, нашел верный подход, поставил пьесу под Раневскую, сил осталось уже совсем мало, так мало, что и насладиться своей Фелицатой («Правда — хорошо, а счастье лучше») не успела.

* * *

Раневская уступала, если просили, отдавала многочисленные роли другим, хотя репетировали спектакль «Странная миссис Сэвидж» даже о втором

составе речи не шло. Но главреж Завадский попросил отдать роль миссис Сэвидж смертельно больной Любови Орловой, а потом такой же Вере Марецкой, и Раневская от выстраданной роли отказалась в их пользу.

Конечно, была Люси Купер в спектакле «Дальше — тишина», где Раневская с Ростиславом Пляттом играли столь проникновенно, что из зала в слезах выходили даже мужчины. Но сколько ролей не состоялось!

Не потому что не хотела или не сумела, потому что НЕ ДАЛИ! Ей, Раневской, которую обожала публика, на спектакли даже с небольшими сценами с которой зрители раскупали билеты без остатка, попросту не давали ролей.

Не просто нерастраченный талант, но преступно не использованный.

Почему?

Раневская была крайне неудобной актрисой, партнершей на сцене, а иногда и человеком в жизни. Открыто говорила то, что думала, не считалась с авторитетами, не боялась поплатиться за свои слова, убеждения и дружбу с опальными людьми. От партнеров на сцене требовала не играть, а жить ролью, не принимала игры вполсилы, репетировала до упаду, даже если ее собственный рисунок роли уже был хорош, а у партнеров что-то не получалось.

И требовала, требовала, требовала.

Нет, не награда, благ или привилегий. Требовала работы с полной отдачей, боролась с профанацией на сцене и в жизни, с чинушеством, лицемерием и пустой болтовней.

Чиновники попросту не знали, что делать с талантом Раневской. Даже одну из Государственных премий СССР она получила за роль в кино, которая ни ей самой, ни зрителям не запомнилась, — фрау Вурст в фильме «У них есть Родина» 1950 г. Многие ли видели этот фильм и помнят, кто такая фрау Вурст?

Но не награждать же за роль мачехи из «Золушки», или за таперши из «Александра Пархоменко», или спекулянтки Марго, наладившей химчистку на дому? По мнению чиновников, это попросту дискредитировало бы понятие премии.

И за театральные работы Раневская получила Государственные премии в 1949 и 1951 гг., притом, что главные сыграла позже — миссис Сэвидж в «Странной миссис Сэвидж», 1966, Люси Купер в «Дальше — тишина», 1968, Фелицата в «Правда — хорошо, а счастье лучше», 1980.

Почему ее не наградили за эти роли, когда вся Москва, и не только Москва, плакала на спектакле «Дальше — тишина», а количество междугородних звонков престарелым родителям после каждого спектакля увеличивалось вдвое?

* * *

Сама Раневская о себе говорила, что она «Недо...» — недоигравшая, недооцененная (не имея в виду награды или премии, а то, что настоящих ролей было так мало!), недожившая...

Раневская прожила долгую жизнь, и театральную

Предисловие

в том числе, и все же сделала в десятки раз меньше, чем могла бы сделать, только потому, что была неудобной.

* * *

Еще одна ипостась Раневской — ее острословие.

Острый язычок Фаины Георгиевны сделал ее популярной не меньше, чем счастливые театральные и кинороли.

Ее остроумные ответы, замечания, комментарии разлетались по Москве и всему Советскому Союзу мгновенно, словно телеграммы-молнии, немедленно становились фольклором, часто без упоминания автора.

Многое «выловлено» и все же возвращено авторству Раневской, немало осталось «без подписи».

* * *

Если бы она жила в период перестройки в лихие 90-е, наверняка потребовалось несколько томов, чтобы собрать все ее меткие выражения.

Но и те, из далекой уже середины прошлого века, весьма актуальны сейчас.

Проникнитесь немного язвительной мудростью великой актрисы, соотнесите прочитанное с нынешним временем, и вы поймете, что человечество мало изменилось за последние полсотни лет, в общем-то, как и за последнее тысячелетие. А значит, Раневская с ее остроумием будет актуальна и востребована всегда. Особенно в России.

Волшебный храм искусства

Театр был святым местом для Раневской всегда. Она застала на сцене Качалова и Ермолову, Станиславского, Бабанову... играла в телеспектаклях с Грибовым... дружила с Алисой Коонен и ее супругом Тагировым...

А потому мерила и советский театр иной, чем многие другие, меркой.

Говорила, что на сцене нельзя играть, играют в песочнице или на барабанах, сцена требует жить ролью, иначе будет фальшиво.

Ее считали вредной старухой, придирчивой и живущей лишь воспоминаниями.

Но те, кто умней и талантливей, прекрасно понимали, что планка Раневской просто высока, причем сначала по отношению к самой себе. Фаина Георгиевна любую крошечную роль превращала в значимую, легко переигрывала на сцене главных героев, потому актеры просто побаивались играть с ней рядом.

Зато какая это была учеба! — вспоминала Марина Неелова.

Театр для Раневской был всем, жила она одиноко и ничего другого, кроме пыли кулис, не ведала.

* * *

— Раньше театральные кулисы пахли гениальностью, а сейчас просто пылью.

* * *

— Станиславского надо отменить!

— Фаина Георгиевна?!

— Он свою теорию создавал, когда актеры на сцену играть выходили, жизни проживать за время спектакля. А сейчас приходят, чтобы ставку отработать. Сейчас если каждый будет демонстрировать себя в предлагаемых обстоятельствах, то сплошной базар получится.

* * *

Зная о постоянных стычках между Раневской и режиссером Завадским, актриса картинно вздыхает:

— С Юрием Александровичем так тяжело, он же считает себя гением...

Раневская замечает:

— Лучше уж режиссер-гений, чем режиссер-идиот.

* * *

— Завадскому мало своих творческих мук, мало даже актерских, он еще и зрительских ждет!

* * *

— Мало знать, как сыграть роль, попробуйте объяснить это Завадскому.

* * *

— Не всем режиссерам удастся поставить Чехова, но многим удастся испортить.

* * *

— Слишком популярная роль тоже тяжела. Зрители знают интонацию каждой фразы наизусть и просто не позволяют играть иначе.

Раневская имела в виду свою роль спекулянт-

ки в «Шторме», на этот спектакль народ валом валил из-за одной-единственной сцены — допроса спекулянтки в ЧК.

* * *

Об актрисе:

— Она из отряда молеобразных.

— ?!

— Конечно, все мысли только о шубах.

* * *

Завадский:

— Я вечно хожу в дураках из-за ваших выходов!

Раневская радостно:

— Так это же хорошо! В дураках ходят только умные, значит, вы умный.

* * *

— Ну, уж от скромности Завадский не заболит и не умрет! Он найдет другую причину для этого.

* * *

— Раньше я думала, что классику ничем испортить нельзя. Теперь понимаю, что недооценивала современных режиссеров. Даже Чехова умудряются испоганить.

* * *

— Многим современным режиссерам в аду уготована страшная участь.

— Почему?

— Поднять руку на Чехова, значит, совершить все семь смертных грехов сразу.

* * *

— Жаль, что, когда писались заповеди на скрижалях, еще не было театральных режиссеров. Иначе еще одной заповедью было бы «не навреди» по отношению к классике.

* * *

— Проще всего режиссерам кукольных театров — актеры на сцене привязаны на нитках и возражать тоже не способны. Но Завадский

почему-то в кукольный театр переходить не хочет.

* * *

— В цирке лучше, чем в театре...

— Чем же, Фаина Георгиевна?

— В цирке хищники на арене выступают, а за кулисами в клетках. А в театре за кулисами они на воле, там и есть арена.

* * *

— У нас на один талант двадцать чиновников с лопатами, чтобы зарыть его.

* * *

— Ему крылья ни к чему, ползать у ног начальства будут мешать.

* * *

— Театр болото, но актрисы при этом вовсе не Царевны-лягушки, а просто лягушки. А еще змеи и пиявки.

* * *

Раневская ездила по провинции с концертной программой, в которой читала Чехова и играла отрывки из спектаклей. Зрители принимали прекрасно, правда, иногда восхищаясь не только игрой.

Она вспоминала, как после такого концерта к ней подошел восхищенный зритель и проникновенно похвалил:

— Хорошо играли, товарищ Раневская, но и текст написали тоже хороший.

— Это не я, это Антон Павлович Чехов.

Мужчина поскреб затылок огромной пятерней и засомневался:

— Не-е... Чехов — это же «Му-му»...

— «Му-му» — это Тургенев, — решила просветить его Раневская.

Тот обрадовался:

— Вспомнил! Чехов — это «Каштанка» и «Ванька Жуков»!

Раневская вздохнула, понимая, что о «Вишневом саде» вспоминать не стоит.

— Пусть уж так, хорошо хоть «Каштанку» и «Му-му» знает.

* * *

Узнав, что предстоит постановка «Вишневого сада» в новой интерпретации, Раневская ужасается:

— Боже мой! Они же продадут его в первом действии, а потом еще три будут долго пилить на дрова!

* * *

— Выражение «театральные страсти» оставьте для третьесортных театров. В настоящем храме искусств и страсти настоящие. Кстати, и зрители тоже.

* * *

— Показывая халтуру на сцене, чего же ждать настоящего зрителя? Как аукнулось, так и откликается.

* * *

Раневская страшно боялась забыть текст, потому для нее за кулисами даже ставили суфлершу. Однажды та подсказывала так активно, что высунулась на сцену и практически произнесла весь монолог вполголоса.

Раневская разозлилась и перед следующим